

Kolejka, Josef

["Славянская политика" в период 1945 — 1948 гг.]

In: Kolejka, Josef. *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, pp. 192-219

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119624>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Самого большого размаха достигла пропаганда славянской идеи после окончания войны. Встреча Советской Армии и прѣщание с ней в Чехословакии, Болгарии и Югославии — „все это вытекало из осознанного чувства освобождения и из осознания славянского братства“.¹ В „славянской идее“ видели славянские народы „плодородную почву“ для их взаимного сотрудничества с Советским Союзом.² „То, о чем писал Шафарик и Коллар — осуществилось“ — такими словами описывает настроение послевоенного времени, например, Э. Конрад в журнале „Днеšek“.³ Министры и простые люди — все тогда говорили о „победе славянской идеи“ или же о „славянской эре“!⁴ Дело не касалось, следовательно, только официальной пропаганды, а спонтанного настроения самых широких масс народа; в Чехословакии этот факт подтверждается, помимо другого, также дискуссией вокруг письма ЦК КПЧ перед VIII съездом (январь—март 1946 г.), в которой коммунисты одобряли „славянскую политику“. Сотни местных и заводских организаций КПЧ требовали тогда „создания славянских государств с федеративным общественным строем“.⁵ С увлечением пропагандировалась „славянская политика“ в Болгарии и Югославии. Доцент софийского университета Х. Гандев в статье „Славяне в прошлом и будущем“ предлагал, чтобы славянские народы разработали проект какого-нибудь политического органа для межславянского сотрудничества; на основе равноправия малых и больших народов должно было возникнуть „славянское содружество“, которым руководил бы Советский Союз.⁶ В Югославии и Болгарии сейчас же после войны стали пропагандировать дружбу и союз между народами южных славян.⁷

В Польше, хотя и здесь не чувствовалась потребность идеи славянской солидарности „сейчас“ же после освобождения,⁸ однако все-таки именно здесь уже в 1945 г. зародилось предложение вести пропаганду „под знаменем всеславянской идеи за политическое объединение славян“.⁹ Также в Советском Союзе идея славянской солидарности охватила широкие массы русских, украинцев и белорусов. Заключение наше вытекает не только из содержания журнала „Славяне“ или же из сообщений о славянских наро-

дах в ежедневной печати и тем литературы и искусства, но также из воззрений иностранных наблюдателей. Один из корреспондентов чешской некоммунистической печати охарактеризовал настроение 1946 г. в Советском Союзе следующими словами: „Социализм, славянская идея, нация — это три великих слова сегодняшней России.“¹⁰ Напомним, однако, что на страницах „Правды“ уже в 1945 г. появились критические слова в адрес заграничного некритического восторга от всеславянской идеи.

Выступления, требующие организации „межславянского политического журнала“ или же „политического объединения славян“, встречали живой отклик среди народа (у южных славян, чехов, словаков), не отражая, однако, реальной оценки размещения классовых сил и потенциальной тенденции развития соседних неславянских народов. Коммунисты, которые и в дальнейшем принимали участие в работе отдельных национальных Славянских комитетов, подчеркивали в лозунгах „славянской политики“ прежде всего заграничную ориентировку на Советский Союз и в союзе Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии видели „единственную возможность как обеспечить прочное существование государства и нации“. Таким образом в июле 1945 г. Клемент Готвальд, говоря о внешней политике КПЧ, объяснял „политику славянской солидарности“.¹¹

„Выдающимся документом чехословацкого понимания славянской идеи“ коммунисты назвали, например, союзный договор с Югославией. „Славянская идея, которая выражала мечты и желания наших отцов и дедов“, осуществлялась, главным образом, в союзных договорах между суверенными и славянскими государствами. В этих договорах — объясняли коммунисты — осуществлялись желания славянских народов потому, что народ этих наций создал государства последовательно демократические, самостоятельные, суверенные и с прочными режимами — т. е. народные демократии.¹²

Главное значение стремлений КПЧ к осуществлению славянской идеи во внешней политике объяснял Клемент Готвальд в интервью для журнала „Světové rozhledy“ (начало 1947 г.). На вопросы редакции: „В чем заключается значение сотрудничества славянских народов?“ и „Существуют препятствия, мешающие его развитию?“ — Клемент Готвальд ответил в сущности следующими словами: У всех славянских народов имеется смертельный враг — немецкий империализм. Главную опору своей свободы они (славянские народы) видят в Советском Союзе. Коренный интерес славянских народов — это поддержка взаимных связей, так как сотрудничество открывает одновременно перспективы экономического и культурного размаха этих стран. Сегодня, когда славянские народы через посредство своих органов держат в своих руках управление, нет серьезных препятствий, которые мешали бы действительно братскому сотрудничеству.¹³

Медлительное отношение западных держав к вопросу мирного договора с Германией, их неохота выполнять обязательства постдамского соглашения (демилитаризация и денацификация) принуждали славянские народы „сделать все для обеспечения безопасности, государственной независимости и спокойного развития своих стран“ — таким образом объяснял Клемент Готвальд цели сотрудничества славянских народов в своем выступлении на третьей славянской манифестации (Девин, 5 июня 1947 г.). Стремление к сотрудничеству славянских народов не должно было вызвать ослабление Организации Объединенных Наций и не угрожало соседним государствам — а наоборот „воля славянских народов обеспечить мир в центральной и юго-восточной Европе является ценным и положительным вкладом в процесс создания мира в Европе и во всем мире“. Клемент Готвальд в своем выступлении (Девин) одновременно объяснил взаимные связи между стремлениями к славянскому сотрудничеству и между борьбой за укрепление народно-демократических режимов. Братское единство славянских народов, опирающихся на Советский Союз, имеет своих врагов за границей и дома; это, как предупреждал Клемент Готвальд, остатки реакционных классов. „Беречь и укреплять единство славянских народов — это значит, следовательно, беречь и укреплять народную демократию славянских стран, защищать ее от реакционных сил, которые желают возвраты старых времен.

КПЧ посвящала большое внимание вопросу дружбы и союза с народной Польшей. Отношения Чехословакии и Польши нельзя было в период от 1945 по 1946 гг. назвать хорошими.¹⁴ Национальные социалисты открыли, после мая 1945 г., кампанию за присоединение Кладской, Ратиборжицкой и Лужицкой областей, которые находились (в духе постановления Крымской конференции) под управлением поляков. Деятели национально-социалистической партии в Тешинской области использовали послевоенные выступления польского шовинизма, стремящегося достичь „обратного присоединения Тешинской области к Польше, и сами оплачивали антипольским шовинизмом, который завершился угрозами по адресу правительства народной Польши, что ЧСР не будет поддерживать польские требования, касающиеся западной границы. В этом отношении, однако, КПЧ приняла принципиальное и отрицательное решение. КПЧ сознавала, что еще в начале 1947 г., в результате спорных взглядов на границу между ЧСР и Польшей, существовал „в славянском фронте пробел“, считала, однако, западную польскую границу на реках Одра—Ниса необходимой и „даже для нас самой важной“, так как дело касалось „границы всех славян“. В вышеупомянутом интервью для журнала „Světové rozhledy“ Клемент Готвальд об этом написал: „Цельная и прочная западная граница славянских народов по отношению к Германии является одной из предпосылок успешной обороны про-

тив нового ‚Drang nach Osten‘ и, следовательно, одним из мероприятий, целью которых является воспрепятствовать повторению нападения. Это, следовательно, свидетельствует по крайней мере о политической близорукости, если сегодня раздаются голоса, требующие, чтобы мы при международных переговорах относительно немецкой границы отстаивали наши требования по отношению к Польше и ослабляли, таким образом, общие усилия славянских государств, направленные на признание этой границы (Одра — Ниса, — Й. К.).“

КПЧ стремилась добиться того, чтобы правительство заключило союзные договоры с Польшей, представители которой договор искренне встретили. „Чехословацко-польский договор принадлежит к числу самых важных факторов, способствующих стабилизации условий в центральной Европе, так как он объединяет два славянских государства, граничащие непосредственно с Германией, и создает прочный барьер против возможных будущих попыток повторить немецкую агрессию,“ — таким образом оценивал значение чехословацко-польского договора Клемент Готвальд,¹⁵ ведущее лицо чехословацкой правительственной делегации, которая этот договор подписала (Варшава, „10“ марта 1947 г.).

Аналогично оценивали заключение чехословацко-польского договора также польские коммунисты, которые видели в нем выполнение своей программы, объявленной в их партийных документах (1942—1945) и в манифесте Национального совета (июль 1944 г.), в котором демократические поляки поставили цель — взяться за чехословацко-советский союзный договор: Польская рабочая партия (PPR) на своем первом съезде (декабрь 1945 г.) сообщала, что основной задачей своей деятельности в области высшей политики считает углубление союза и дружбы с Советским Союзом и осуществление дружеской и союзной политики, прежде всего, среди славянских народов. Обеспечение границы народной Польши видели польские коммунисты в своем договоре с Советским Союзом и в славянской солидарности.¹⁶ Одновременно, однако, польские коммунисты должны были, по отношению к международному значению „польского вопроса“, намного больше (чем, например, чехословацкие коммунисты) подчеркивать тот факт, что новая Польша намерена стремиться расположить к себе западные державы — конечно, предполагая, что они не будут вмешиваться в ее внутренние дела. Вообще, решая задачи внутренней политики, Польская рабочая партия (PPR) находилась в более затруднительном положении, чем КПЧ. Ее отношение к Тешинской области (стремление присоединить ее к Польше) нельзя считать проявлением шовинизма. Надо здесь подчеркнуть тот факт, что польские коммунисты и все демократические поляки очень уважали отношение КПЧ к границе на реках Одра — Ниса и положи-

тельно оценивали ее усилия, направленные на заключение чехословацко-польского союза.

Искренними сторонниками славянской солидарности были болгарские коммунисты, представитель которых — Георги Димитров — много раз подчеркивал необходимость славянского содружества. „Требование времени — это укрепление дружбы между славянскими государствами — Польшей, Чехословакией, Югославией, Болгарией. Соединенные дружбой с великим народом русским могут миролюбивые славянские нации сыграть и наверно сыграют немалую роль в деле укрепления мира в Европе и при создании мощного барьера против возможной будущей агрессии и возможному вмешательству в их свободу и независимость.“ Такими словами объяснял Димитров смысл идеи славянской солидарности.

Болгарские коммунисты дружески выражались о Чехословакии и о болгарско-чехословацких отношениях, развитие которых в области культуры, хозяйства и, конечно, также политики, закрепленное чехословацко-болгарским союзом, считали полезным для всех славянских народов. Г. Димитров приписывал Чехословакии великую роль в деле укрепления отношений между западными, южными и восточными славянами. „Интеллигентным и энергичным жителям Чехословакии принадлежит роль опосредствовать сплочение (славян), так как они завязали тесные отношения со всеми славянскими странами. Если они выполняют эту задачу хорошо, то их успех будет успехом не только Чехословакии, но и всех славян. Пусть никто не забывает, что славянская солидарность — это лучший оплот мира в Европе.“¹⁷

Своей первоочередной задачей во внешней политике освобожденной Болгарии коммунисты считали „осуществление самого тесного братского общества народов Югославии и Болгарии вместе с искренней и вечной дружбой с освободителем болгарского народа — с великим русским народом“. Искушение старых грехов кобургской Болгарии, которая три раза напала на Сербию или же Югославию желая осуществить химерическую „Великоболгарию“, считали болгарские коммунисты жизненно важным для болгарского народа. Они стали активно работать над проектом конфедерации южных славян, которая окончательно решила бы споры о Македонии.¹⁸ Болгарские коммунисты радовались успехам югославского национального фронта в выборах и считали его победу также победой болгарского народа. Они боролись при всяком случае против проявлений великоболгарского шовинизма и против попыток, стремящихся нарушить дружбу с народами Югославии. Они утверждали, что для будущего Болгарии, помимо союза с СССР, имеет „большое значение сближение с Югославией“.

Также югославские коммунисты были искренними сторонниками идеи славянской солидарности и также инициативно стремились установить

союз с Чехословакией, Польшей и Болгарией. Э. Кардель тогда в брошюре „Два пути малых народов юго-восточной Европы“ (издано также на чешском языке уже в 1945 г.) доказывал необходимость сотрудничества и союза славянских народов с Советским Союзом. Сейчас же после войны было в Югославии опубликовано много статей и издано много брошюр на тему „братства“ Югославии и Болгарии.

Мы привели здесь некоторые главные выступления представителей коммунистических партий о славянской солидарности. Коммунисты подчеркивали сотрудничество славянских народов, в котором видели оплот безопасности своих стран и предпосылки более быстрого экономического и культурного расцвета своих народов и стремились добиться его скорого осуществления. В сущности, однако, осуществляя славянскую солидарность, коммунистические партии имели в виду всегда прежде всего взаимные договоры (см. далее), а не создание общего единого блока — какой-то славянской федерации, как об этом говорили на Западе в период 1946—1948 годов, некоторые деятели, имея в виду провокационные намерения.¹⁹ В общих действиях славянских государств на почве ООН и в их согласии с внешней политикой Советского Союза (1945—1946 гг. и позже) политические деятели и публицисты Запада видели свидетельство возникновения „славянского блока“; Чехословакию, Польшу, Югославию и Болгарию называли „сателлитами славянской державы“.

Обратим теперь внимание на то, каким образом возникали договоры о союзе и сотрудничестве между славянскими государствами.

* * *

Первые правительства освобожденных славянских стран объявили — польское в июльском манифесте Комитета национального освобождения; югославское уже в выступлении Национального комитета освобождения (ноябрь 1943 г.) и в выступлении правительства Тито (март 1945 г.); болгарское 9-ого сентября 1944 г. и в марте 1945 г. на 1-ом конгрессе Патриотического фронта; чехословацкое правительство в Кошицкой программе (апрель 1945 г.) —, что они будут укреплять дружбу и союз с Советским Союзом и с славянскими народами. Югославия заключила союзные договоры с Польшей и Чехословакией в 1946 г., Польша и Чехословакия, Югославия и Болгария в 1947 г. и Болгария с Чехословакией, Польшей и Советским Союзом в 1948 г.

С первого взгляда кажется, что заключение договоров между славянскими государствами отстало (1947—1948 гг.). Этот факт можно объяснить не только несогласиями, касающимися вопроса границы между Польшей и Чехословакией или же Югославией и Болгарией, но также международным положением (например Болгарии) или же большими затруднениями во

внутренней обстановке (Польша) после войны, которые не давали возможности немедленного формального признания внешней политики. Надо было бы поэтому дать, хотя бы сжатую, характеристику положения отдельных славянских стран, прежде чем описание их взаимных отношений. Надо, однако, добавить, что славянские народы в действительности завязывали сотрудничество еще до заключения союзных договоров, которые как бы „закрепляли“ фактическое состояние взаимных отношений, например, в области культурных и торговых связей и в общих выступлениях на международных конференциях.

Чехословакию долгое время после войны на Западе считали странной „действительной“, т. е. буржуазной демократии. Запад поддался обману зрения, которым был тот факт, что должность президента и министра иностранных дел в чехословацком правительстве заняли лица, ориентированные на Запад. В действительности сила КПЧ и левых социальных демократов была достаточной для того, чтобы правительство в своей внешней политике приняло ориентировку на Советский Союз, как это подтверждали переговоры, касающиеся принятия Чехословакией плана „экономической помощи Европе“ (Маршала). Хотя и в правительстве национального фронта занимала буржуазия сильные позиции вплоть до начала 1948 г., но отношения Чехословакии к Советскому Союзу, славянским странам и народно-демократическим государствам были однозначными. Конечно, определенное влияние чехословацкой буржуазии в области легкой промышленности товаров широкого потребления и в экспортных компаниях на протяжении 1945—1947 гг. направляло интересы Чехословакии на Запад; экономические отношения с славянскими странами начинали только постепенно развиваться. Место имели здесь также прежние торговые отношения Чехословакии и славянских государств и возможность закупки и обмена между отдельными странами и, наконец, также и готовность Чехословакии (с точки зрения промышленности самого развитого из славянских государств) помогать другим славянским странам. Чехословацкая внешняя торговля с Болгарией и Югославией, договоры с которыми были заключены уже в июле или же ноябре 1945 г., продолжала довоенный курс и Чехословакия заняла второе место во внешней торговле этих двух стран. В противоположность тому внешняя торговля с Польшей была в период 1945—1946 гг. небольшой. Только „Договор между Республикой Чехословацкой и Республикой Польской об обеспечении экономического сотрудничества“ („4“ июля 1947 г.) означал существенный поворот во взаимном обмене товарами или же капиталовложениями. Собственно говоря, только в 1948 г. во внешней торговле Чехословакии стала проявляться последовательная ориентировка на славянские страны.²⁰

Если в Чехословакии еще в 1947 г. буржуазия оказывала влияние на

экономические и политические отношения (Польша!), то югославское правительство Тито, осуществляя славянскую линию в своей внешней политике, опиралось на более благоприятные условия; коммунисты занимали первенствующее положение также в югославском Народном фронте.²¹ Правительство Тито признал, благодаря Советскому Союзу, также Запад — еще до окончания Второй мировой войны. Союзные договоры с Польшей и Чехословакией, заключенные уже весной 1946 г., доказывали однозначную ориентировку Югославии на Советский Союз и славянские государства. Эта ориентировка нашла свое выражение также в торговых отношениях как с Чехословакией, которая была давним торговым партнером Югославии, так также с Польшей и Болгарией.

Более сложной была обстановка в Польше, где политические и экономические перемены (после июля 1944 г.) проходили под знаменем острой классовой борьбы.²² Лондонская эмиграция организовала против демократического правительства подпольное движение, которое завершилось попытками организовать террористические банды, убийства и т. п. С этим подпольным движением сотрудничал бывший лондонский политик Миколайчик, который (летом 1945 г.) стал членом польского правительства. Англия и США, хотя и в июле 1945 г. признали временное польское правительство (после пополнения его Миколайчиком), но относились к нему враждебно. Когда в выборах в Учредительное национальное собрание (январь 1947 г.) партия аграриев Миколайчика выдвинула свой избирательный список против демократического блока, она получила 10 % голосов. Выборы (январь 1947 г.) принесли победу демократического блока во главе с Польской рабочей партией (PPR) и Польской социалистической партией (PPS) и укрепили, таким образом, народно-демократический режим Польши. Первый шаг нового правительства Йузефа Циранкiewича в области внешней политики был почти символическим: оно заключило союзный договор с Чехословакией.

Трудным было международное положение Болгарии, к признанию правительства которой западные державы долгое время относились отрицательно. Мирный договор с Болгарией был подписан только 10-ого февраля 1947 года, причем народная Болгария должна была заплатить 70 миллионов долларов репараций в пользу Греции и Югославии. Во внутреннем развитии Болгарии во второй половине 1947 г. укрепились власть трудящегося народа; в декабре 1947 г. была принята Конституция, которая намечала путь к социализму. Внешняя политика Болгарии уже в сентябре 1944 г. опиралась на поддержку Советского Союза. Болгарское правительство могло полагаться на его помощь в области хозяйства также после освобождения. После сентября 1944 г. Болгария постепенно заключила торговые договоры с Советским Союзом, Чехословакией, Польшей и Югославией.²³

Мы уже сказали, что самое большое значение во взаимных отношениях славянских народов имели прежде всего отношения чехословацко-польские и югославско-болгарские.

Оба первых правительства освобожденной Польши и Чехословакии провозглашали в своих основных документах, что их целью является союз обоих государств. В июльском (1944) манифесте Польского комитета национального освобождения об этом говорится: „Прочный союз с нашими непосредственными соседями — Советским Союзом и Чехословакией — будет основным принципом польской внешней политики.“ Также первое правительство национального фронта чехов и словаков видело в своей (Кошицкой) программе „важную задачу для установления прочных союзных отношений с новой демократической Польшей, при помощи которых можно было вскоре осуществить предполагаемое расширение чехословацко-советского договора („12“ декабря 1943 г.) в пакт трех стран, который закрепил бы союз Чехословакии, Польши и Советского Союза против немецкой агрессивности“.

Как мы уже сказали, после войны существовали некоторые несогласия в вопросе границы между Чехословакией и Польшей. Чехословацкое правительство отдало Польше северные области Оравы и Спиша, оккупированные в 1939 г. „Словацким государством“ Тисо, и одновременно считало отмененной оккупацию Тешинской области Польшей (октябрь 1938 г.). Совещания представителей обоих государств (осень 1945 г.) не привели к заключению окончательных договоров; оба правительства, однако, очень тесно сотрудничали на разных международных конференциях, заседаниях ООН и т. д. Правительства обоих государств сознавали необходимость тесных культурных отношений и в феврале 1946 г. подготовили текст договора. В марте 1947 г. был заключен договор о дружбе и взаимной помощи. Этот договор, который соединял Чехословакию и Польшу против возможного нападения со стороны Германии, включал добавочный протокол, в котором обе стороны обязываются разрешить (не позже двух лет) на основе взаимного соглашения все территориальные вопросы, заключить пока возможно скорее необходимые экономические и культурные договоры и обеспечить чехам и словакам в Польше и, наоборот, полякам в Чехословакии возможность их национального, политического, культурного и экономического развития.²⁴

Заключение договора в Чехословакии и в Польше горячо встретили. Комментарии центральных и областных журналов говорили об искреннем братском сотрудничестве славянских народов. Главным образом в Польше оценивали решительную точку зрения Чехословакии: защищать границу на реках Одра—Ниса.

²⁴ Что касается отношений к Югославии, первое чехословацкое правительство в своей Кошицкой программе поставило себе целью: „продолжать сла-

вянскую линию своей внешней политики также тем, что оно установит самый дружеский союз с новой Югославией". Все проявления симпатий и дружбы чехословацкого народа к Югославии и югославского народа к Чехословакии завершились в момент подписания союзного договора (Белград, май 1946 года). В предисловии чехословацко-югославского договора о дружбе, взаимной помощи и мирном сотрудничестве говорится о том, что торжественно подтверждаются связи искренней дружбы между народами Чехословакии и Югославии, жизненным интересом которых является общая оборона в случае возобновления Германией ее агрессивной политики, которая угрожала бы их свободе.

Федеративная народная республика Югославия еще до подписания договора с Чехословакией заключила (во время пребывания Й. Брозе-Тито в Польше, „14—20“ марта 1946 г.) подобный союзный договор для обороны против возможного нападения со стороны Германии, или же ее союзников, с Польшей. Чехословацко-югославский договор в сопоставлении с югославо-польским соглашением включал экономическое и культурное сотрудничество. Заключение чехословацко-югославского договора встретили обе стороны спонтанными проявлениями симпатий. Мы не имели здесь, однако, в виду только торжественные выступления в национальном собрании Чехословакии или же в югославской „скупщине“ и деятельность славянских обществ дружбы (см. далее), но, главным образом, сообщения ежедневной печати о народной Югославии или же о народной Чехословакии, разные приветствия, произносимые на конференциях и публичных собраниях, расположение чешского и словацкого народа, с которым он относился к югославским ученикам, дружбу чехословацкой и югославской молодежи во время строительства железной дороги в Югославии и т. д. В Чехословакии и в Югославии вспоминались давние традиции славянской взаимности чехов или же словаков с сербами, хорватами и словенцами, вспоминались проявления симпатий югославского народа к находящейся под угрозой Чехословакии (1938), обращалось внимание на сотрудничество во время войны (эмиграция, партизанское движение) и т. д.

Для Югославии самыми важными были ее отношения к Болгарии -- и, наоборот, жизненным интересом Болгарии было установление и осуществление славянской политики по отношению к Югославии. Правительства обоих государств сейчас же после освобождения своих стран подчеркивали потребность новых дружеских отношений, что и вызвало восторженное согласие болгарского и югославского народа. Вслед за экономическим и культурным соглашением был подписан „протокол о решениях исторической конференции делегатов болгарского и югославского правительств“ (на Бледу, „30“ июля—„1“ августа 1947 г.). Правительства обеих народных республик здесь констатировали, что народ обеих стран проливал кровь

в общих сражениях против общего врага и что обе страны установили народно-демократические режимы, которые открыли широкие возможности для осуществления давних мечтаний их народов о сотрудничестве. Обе страны решили поэтому заключить договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подготовить таможенную унию, упростить взаимное общение граждан обоих государств, расширить сеть железных дорог и шоссе, сообща решить провокации греческих монархо-фашистов и расширить, по возможности, культурное сотрудничество. Югославия отказалась от своей доли репараций, поставленных Болгарской мирной конференцией. Протокол Бледской конференции включал следующие приложения: союзный договор, договор о подготовке таможенной унии и договор об имуществе, находящемся в югославно-болгарских пограничных зонах.

Болгарско-югославский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был подписан „27“ ноября 1947 г. в Варне — Евксинограде. На Евксиноградской конференции решился целый ряд вопросов в связи с предстоящим созданием более узкого содружества Болгарии с Югославией. Софийская печать характеризовала ход Евксиноградской конференции следующими словами: „Мы создадим такое тесное сотрудничество, что вопрос федерации станет только формальностью.“ Сам Димитров еще в декабре 1948 г., говоря о болгарско-югославских отношениях и о критике Коминформбюро политики Тито, напоминал о том, что исконным общим идеалом болгар и югославов была федерация южных славян и что тесное сближение обеих стран (после 1944 г.) было направлено на создание южнославянской (или же балканской) федерации, в рамках которой можно было бы окончательно решить спорный вопрос Македонии, т. е. присоединить македонцев Пиринского края (Болгария) к Македонской народной республике и вернуть Болгарии ее западную территорию, которую захватила после первой мировой войны Югославия (при короле Аленсандре).²⁵ Димитров, кажется, думал о какой-то организации всех народно-демократических стран (как это вытекает из его доклада в Бухаресте — январь 1948 г. — на который реагировала московская „Правда“). Весной 1948 г. в Болгарии и в Югославии советовали не спешить с вопросом федерации. Не удалось предотвратить новые конфликты на болгарско-югославской границе (македонцы!), которые возникали еще до резолюции Информбюро — лето 1948 г.

Свою славянскую ориентировку внешней политики Болгария укрепила союзными договорами с Советским Союзом („18“ марта 1948 г.), с Чехословакией (апрель 1948 г.) и с Польшей (май 1948 г.).

Значит, в мае 1948 г. были все славянские государства соединены взаимными союзными договорами, которым предшествовали, или же в которых одновременно решались также культурные и экономические соглашения.

* * *

Разные славянские общества и организации отдельных славянских стран еще до заключения официальных договоров и соглашений старались пропагандировать жизнь и культуру братских народов и установить взаимные связи. Об этой области в сотрудничестве славянских народов — т. е. о культурном поприще — заботились, главным образом, Славянские комитеты отдельных стран.

Всеславянский комитет в Москве продолжал свою деятельность также после окончания войны, поддерживал связи с членами своих отдельных национальных секций или же с вновь возникающими национальными Славянскими комитетами и информировал (посредством своего журнала „Славяне“) советское общество о жизни славянских народов. Он, однако, постепенно становился органом только славянских народов Советского Союза, т. е. русского, украинского и белорусского. После 1-ого послевоенного Славянского съезда в Белграде (декабрь 1946 г.) и после избрания **Общего славянского комитета** превратился Всеславянский комитет в Москве в советский Славянский комитет (март 1947 г.), который включал два национальных филиала: в Киеве и в Минске. Главные задачи советского Славянского комитета были выдвинуты в области культурных связей с зарубежными славянскими народами.

Сотрудничество между славянскими народами на культурном поприще стало главным содержанием также вновь устанавливаемых национальных Славянских комитетов и их филиалов в Болгарии (в Софии был Славянский комитет установлен только под конец 1944 г.), Югославии (Славянский комитет организован в Белграде 1945 г.), Польше и Чехословакии. Во главе национальных Славянских комитетов стояли члены национальных секций Всеславянского комитета в Москве (1941—1944) и другие многочисленные работники культуры и политики. Славянские комитеты выпускали свои собственные журналы, издаваемые в качестве культурно-политических ежемесячников.²⁶

Славянские комитеты всех стран развертывали в сущности ту же самую, или же очень подобную, деятельность. Они созывали собрания-манifestации (София 1945 г. — Всеславянский съезд; Братислава — славянская манифестация на Девине, состоящаяся ежегодно „5“ июля уже с 1945 г.; Польша — торжества под Грунвальдом при участии зарубежных славянских делегаций), организовали лекции и выставки о жизни славянских народов, приглашали делегации других стран и информировали в своих журналах о жизни отдельных славянских народов, об их общих интересах и об общих действиях в области внешней политики. О целях чехословацкого Славянского комитета сжато говорит З. Нееды в передовой статье первого выпуска вновь издаваемого журнала „Slovanský přehled“: „Славянские народы рука в руку, в братском согласии, сознавая свое новое поло-

жение и поставленные им историей задачи, шагают вперед. С тем большей необходимостью они должны познавать друг друга, знать пути, по которым они сегодня шагают, чтобы братство крови укрепилось также братством стремлений и целей, к которым мы сегодня стремимся.²⁷

Славянские комитеты должны были координировать выступления разных культурно-политических обществ для сотрудничества с братскими славянскими государствами. Самыми выдающимися из них были союзы дружбы Советского Союза, которые опирались на многочисленных членов. Последние издавали журналы, в которых печатались информации о славянских и неславянских народах Советского Союза, издавали переводы советской славянской литературы и т. д. Деятельность этих союзов в большинстве случаев известна и мы, поэтому, обратим внимание на те организации, которые занимались взаимным изучением жизни народов Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии.

В Чехословакии важной была организация „Společnost pro kulturní styky s Polskem“, которая возникла в августе 1945 г. в качестве представительницы полонофильских обществ в Чехословакии. Общество организовало выставки (например, „Варшава обвиняет“), принимало польских писателей и художников, осуществило ряд лекций польских и отечественных докладчиков, организовало курсы польского языка, давало импульсы к развитию взаимных отношений в области науки, взаимных посещений студентов и т. д. „Společnost“ чехословацкая а также ее польская противоположная организация „Towarzystwo Polsko-Czechosłowackie“ в Варшаве или же другое подобное общество „Towarzystwo Przyjazzi Polsko-Czechosłowackiej“ в Кракове (у которых были подобные задачи как у чехословацких организаций; с большой инициативой работало краковское „Towarzystwo“, организуя курсы чешского и словацкого языков) имеют, наперно, заслуги в заключении и в содержании чехословацко-польского договора, подписанного „28“ февраля 1946 г. в Праге.

Чехословакия и Польша заключила договор о культурных и просветительных отношениях, „который обоим государствам должен был облегчать дружеское сотрудничество и знакомить с достижениями в области науки, школьного дела, просвещения, искусства и физкультуры“. В десяти статьях выдвигались отдельные задания, касающиеся открытия кафедр чешского и словацкого языков в Польше и польского языка в Чехословакии, обмена научными работниками и студентами, сотрудничества культурных обществ, обмена журналами, издания последних и т. д.

Инициативную деятельность развертывали в Чехословакии общества дружбы с Югославией, в особенности вновь организованное общество „Svaz přátel Jugoslaviie“, которое было основано как народная организация (в отличие от общества „Československo-jihoslovanská společnost pro kulturní

а hospodářské styky“) на собрании-манифестации служащих Чешско-моравских машиностроительных заводов в Праге (июль 1945 г.). „Svaz“ организовал „6“ сентября 1945 г. манифестацию в пражском зале „Lucerna“ за присоединение Триеста к Югославии и развивал богатую деятельность также в многочисленных филиалах, из которых очень хорошо работал в особенности филиал г. Брно. Также в Югославии было основано подобное общество для поддержки югославо-чехословацкой дружбы „Kulturno društvo Jugoslavija—Čehoslovačka“ в Белграде: Оба общества дали во время войны импульсы к организации выставок о Югославии или же Чехословакии. Возобновились, или же вновь завязались отношения в области науки, которые в Чехословакии и в Югославии отличались богатой традицией. Оба общества — чехословацкий „Svaz přátel“ и белградское „Kulturno društvo“ развешивали действительно инициативную деятельность и способствовали, таким образом, осуществлению программы чехословацко-югославских культурных отношений, которые намечались в культурном договоре (подписанном „9“ мая 1947 г.).

Деятельность общества „Česko-bulharská vzájemnost“ (основанного в 1945 году) продолжало и с лета 1945 г. развешивало новые методы своей работы общество „Společnost pro kulturní a hospodářské styky s Bulharskem“. Это общество, хотя и не отличалось столь большим числом членов как „Svaz přátel Jugoslaviie“, все-таки добились хороших успехов, организуя лекции и курсы иностранных языков еще до восстановления дипломатических отношений (весна 1946 г.) и, главным образом, после заключения культурного договора (июнь 1947 г.), который должен был облегчить „в духе практической славянской дружбы обоих государств дружеское сотрудничество и взаимное познание“. Особенно в Болгарии встретили этот договор с восторгом. Вспоминали при этом чешских ученых и художников, которые во второй половине 19 в. организовали культурно-политические и научные учреждения в Болгарии. Горячо встретил этот договор **Георги Димитров**. Его слова к чехословацкой делегации (по случаю заключения договора) имели символическое название: „Мы создадим гранитную основу славянского единства.“

Важную роль при укреплении дружбы и сотрудничества обеих южнославянских стран сыграли также общества болгарско-югославские и югославо-болгарские. Болгары издавали для поддержки взаимных отношений Болгарии и Югославии журнал — „Южни Славяни“. Также в Польше возникали общества для поддержки культурных отношений с Югославией и Болгарией.

Все вышеупомянутые общества (в сотрудничестве с Славянскими комитетами) принимали участие в разработке и выполнении культурных договоров. Особое внимание они уделяли науке о славянской идее, славистике,

информировали о деятельности славянских институтов, давали импульсы к содержанию их научных программ, принимали участие в международных конференциях и т. д. Они уделяли внимание также вопросам знаний и обучения истории и языков славянских народов на средних школах. Особенно в Польше сделали в этом отношении очень много. Многочисленные главы о славянских народах и о славянской дружбе включались в программу истории, географии, литературы и родного языка.²⁸

Славянские комитеты, которые координировали деятельность выпшеупомянутых обществ (председателями этих обществ были обыкновенно члены Славянских комитетов), не удовлетворялись, однако, только деятельностью в области культуры и считали себя „высшими органами новой славянской политики“; об этом можно говорить, по крайней мере, в случае чехословацкого Славянского комитета. Правительства всех славянских стран уделяли Славянским комитетам большое внимание и всячески поддерживали их деятельность. Членами Славянских комитетов были также многочисленные министры и другие представители политической жизни. В послевоенной культурно-политической жизни Югославии занимал выдающееся положение в особенности белградский Славянский комитет. По его инициативе в Белграде состоялась конференция представителей национальных Славянских комитетов (сентябрь 1945 г.), которая постановила созвать славянский съезд: в 1946 г. в Белград, в 1948 г. в Прагу.

О программе первого послевоенного съезда подробно говорили на конференции представителей Славянских комитетов, которая состоялась в Праге („7—11“ мая 1946 г.) по случаю празднования годовщины освобождения Чехословакии. Подготовительный комитет для созыва славянского съезда собрался вновь „17“ июля 1946 г. в Белграде; задачей его было определение даты и программы съезда. Послевоенный славянский съезд в Белграде состоялся „8—12“ декабря 1946 г. и на повестке дня были следующие три главных вопроса: 1. славянские народы в борьбе за мир и демократию; 2. вклад славянских народов в мировую культуру и 3. организационные задания. В съезде приняли участие члены отдельных национальных Славянских комитетов. Делегация включала 20 членов с избирательным правом; кроме того, организаторы приглашали также гостей из славянских народов и представителей славянских обществ в Америке. Съезд привлек большое внимание как югославов, так также общества других славянских государств, которые знакомилась с ходом съезда посредством обширных сообщений печати и радиовещания. Славянский съезд прежде всего оценивал участие славянских народов в борьбе против фашизма во время Второй мировой войны и их долю в победе над гитлеровской Германией и фашистской Италией. Правильно во вступительном слове констатировалось, что жертвы славянских народов во время Второй мировой войны свидетельствуют,

с одной стороны, о выдающейся роли славянских народов во время войны и, с другой стороны, подтверждают кровавые замыслы немецких и итальянских фашистов по отношению к славянским народам. Во время своего военного и послевоенного сотрудничества славянские народы стремятся достичь мира и демократии. Они осуществляют свое сотрудничество даже вопреки всем попыткам западных империалистов, которые мешают искоренению фашизма в Германии, отказываются от постдамских соглашений в вопросе западной польской границы и т. д. Нынешнее сотрудничество славянских народов под руководством Советского Союза опирается на совсем новые основы, чем в прошлом, и поэтому оно не угрожает никакому неславянскому народу.

Автор второго основного доклада — советский ученый, академик **Б. Д. Греков** — наметил в своем выступлении „Роль славян в истории мировой культуры“. С корефератами выступили целый ряд делегатов. Третий доклад „Новое славянское движение и задачи славянских организаций“ прочел генерал-лейтенант **Гундоров**, который в введении оценил деятельность Всеславянского комитета в Москве во время войны и охарактеризовал славянскую солидарность того времени как движение братских и демократических народов против фашизма, Вскоре после войны появились попытки реакционных западных политиков, стремящиеся нарушить построение демократических режимов славянских государств. Поэтому Славянские комитеты вместе с другими демократическими и прогрессивными международными организациями должны сообща бороться против клеветы на Советский Союз и славянские государства; они должны более пропагандировать результаты строительства освобожденных славянских государств. Гундоров подчеркнул, главным образом, необходимость углубления культурных связей между славянскими народами или же государствами и их связи с славянскими организациями других стран. В следующей части своего доклада Гундоров предложил создание общего Славянского комитета, который занимался бы об обмене информацией между национальными Славянскими комитетами, поддерживал бы дальнейшее развитие культурных и политических связей между славянскими народами и координировал бы работу Славянских комитетов, принимающих участие в разных всеславянских выступлениях. При этой работе Общий славянский комитет должен был распоряжаться необходимым аппаратом, включающим несколько отделений, и должен был издавать собственный „Бюллетень информации“.

После дискуссии Конференция приняла резолюцию, в которой одобряла предложение учредить Общий славянский комитет и издать стенографическую запись съезда. Конференция приняла временный устав, в котором говорится, что главные задачи Общего славянского съезда — это: мобилизация славянских народов на борьбу за искоренение остатков фашизма и за

прочный мир во всем мире, поддержка миролюбивых стремлений демократических правительств славянских государств, укрепление нерушимого единства славянских народов, дальнейшее развитие политических и культурных связей между славянскими народами и организация общих межславянских выступлений. Общий славянский комитет включал 25 членов; каждое славянское государство было здесь представлено 5 членами; комитет находился в Белграде.

Под конец съезда его участники послали приветственные телеграммы представителям славянских государств (которые в свою очередь прислали делегатам свои приветы). Съезд был закончен „11“ декабря. Перед закрытием съезда его участники еще одобрили заключительную резолюцию (собственно говоря, „обращение“), в которой объяснялось положение славянских народов центральной и юго-восточной Европы и их послевоенное развитие в народно-демократических государствах, намечались цели славянских народов в борьбе за мир и т. п.²⁹ Заключительная резолюция таким образом удачно отражает характер послевоенного славянского движения или же, точнее говоря, послевоенного сотрудничества славянских народов. Некоторые делегаты, может быть, представляли себе, что Общий славянский комитет поставит „более высокие“ политические цели. Послевоенный Славянский съезд, однако, о каких бы то ни было „более высоких“ целях не говорил и не мог говорить. Целью славянских народно-демократических государств не было создание особого общего „блока“ или же федерации.

В апреле 1947 г. в Москве состоялось заседание президиума Общего славянского комитета и в июне 1947 г. в Варшаве собрался его пленум. На этих собраниях положительно оценивалась повышающаяся деятельность национальных Славянских комитетов. Подчеркивалась, главным образом, задача развертывания антипропаганды против клеветы на Советский Союз и славянские народно-демократические государства. Варшавское заседание Общего славянского комитета приняло обращение к интеллигенции всех стран бороться против проявлений фашизма и за сохранение мира, стремиться достичь тесного сотрудничества всех народов и разоблачать лжи западной реакции, клеветующие на внешнюю политику Советского Союза и славянских государств. На варшавском заседании Общего славянского комитета критиковался чехословацкий Славянский комитет из-за того, что он не сумел помешать нападкам против Советского Союза и Югославии, которые появились в некоторых чехословацких журналах.³⁰ В Варшаве далее обсудили подготовку съезда ученых-славистов и созыв второго славянского съезда в Праге (1948). С критическими замечаниями к программе II-ого славянского съезда, предложенной чехословацкой делегацией (1. оценка славянского съезда 1848 г.; 2. основы новой славянской политики;

3. организация сотрудничества славянских народов), выступили польские делегаты. На основе их выступления съезд решил отложить дату съезда на вторую половину 1948 г. и наметить его программу на ближайшем заседании президиума Общего славянского комитета.

Варшавское заседание Общего славянского комитета послужило случаем для нескольких манифестаций славянской дружбы как в Варшаве, так также в других польских городах (главным образом в Вроцлаве), через которые проезжали делегации Общего славянского комитета, осуществляя окружное путешествие Польшей.

В дружеском настроении проходили также совещания расширенного президиума Общего славянского комитета и организационного комитета съезда славистов (София, октябрь 1947 г.), которые окончились большими манифестациями. Собственно совещания принесли важные импульсы прежде всего для организации съездов славистов; программа II-ого славянского съезда должна была быть окончательно решена на заседании президиума Общего славянского комитета в Праге.

Третье общее собрание Общего славянского комитета состоялось в Праге („26—28“ февраля 1948 г.) при очень большом участии делегаций национальных Славянских комитетов. Чехословацкие февральские события не могли помешать плодотворной деятельности Общего славянского комитета — и, наоборот, они способствовали еще большему развитию (со стороны Чехословакии) сотрудничества славянских народов,⁵¹ как на это указывали также иностранные делегаты. Пражское заседание сделало сообщение о деятельности Общего славянского комитета за 1948 г. (помимо другого сообщение говорило о течении конференции журналистов славянских государств, которая состоялась в Загребе; январь 1948 г.),⁵² обсудило подготовку съезда славистов и II-ого славянского съезда. Обострение международной обстановки отразилось в пражском заседании Общего славянского комитета тем, что оно намного решительнее осудило американский империализм и более точно сформулировало цели послевоенного славянского движения, которое рассматривалось им в качестве составной части антиимпериалистического демократического лагеря, в качестве одного из мощных строев и одновременно в качестве народного движения, стремящегося достичь социализма. Участники съезда вновь предупреждали о необходимости укрепления идеологической работы отдельных Славянских комитетов и о потребности теоретической разработки послевоенного славянского движения как раз по отношению к существующей обостренной международной обстановке. Последняя требовала углубления дружбы между славянскими и неславянскими демократическими народами. Нельзя ограничиться узкими национальными рамками (упрек был направлен повидимому, по адресу чехословацкого Славянского комитета), так как славянское движение — не расовое движе-

ние; союзниками славянских народов в борьбе за мир и демократию против империализма являются также албанцы, венгры и румыны. Сотрудничество и объединение славянских и неславянских народов и их общая заинтересованность в организации послевоенной Германии должны были главным образом обсуждаться на II-ом славянском съезде, дата созыва которого была назначена на „20“ октября 1948 г.

Съезд, однако, не состоялся, — не только из-за событий в Югославии (июнь 1948 г.), но также из-за общей международной обстановки, которая нуждалась в укреплении единства всех народно-демократических государств центральной и юго-восточной Европы.

Славянская солидарность этим, конечно, не кончилась, как это доказывают взаимные отношения национальных Славянских комитетов или же связи последних с заграничными славянскими обществами после 1948 г. Вообще деятельность заграничных славянских обществ составляла важный компонент в прогрессивном движении славянских народов во время Второй мировой войны и после нее.

* * *

Земляческие общества, принимающие участие в Славянских комитетах, поддерживали на протяжении 1945—1947 гг. свои страны в их стремлении сохранить мир в мире и установить народно-демократические режимы. Представители земляческих обществ и послевоенных Славянских комитетов могли после войны оценить, какие громадные убытки потерпели их народы и какое усилие прилагают они к обеспечению своего будущего.

Европу посетил, например, Леон Кржицки, председатель Американского славянского конгресса, который говорил о впечатлениях из своего пребывания в Европе и в славянских странах на конференции делегатов американских славян в Нью-Йорке („11“ марта 1946 г.) и который издал также брошюру с названием „Что я видел в славянских странах“. Л. Кржицки разоблачал клевету на „железный занавес“ в Советском Союзе и в славянских странах. Конгресс американских славян уже в 1945 г. издал брошюру „Славянские народы клянутся: Никогда больше!“ тиражом в 25 000 экземпляров и опубликовал (1945—1946) в некоторых американских журналах свои выступления за сохранение единства антигитлеровской коалиции и против выступления Черчиля в Фультоне. Важным было также выступление американских славян за дальнейшую деятельность „УНРА“ и за справедливое размещение ее поставок в славянские страны.

Свою деятельность (см. брошюру „Славянские американцы в борьбе за победу над фашизмом и за мир“) обсудил Конгресс американских славян на III съезде (сентябрь 1946 г.), на котором делегаты обязались работать над восстановлением принципов политики Рузвельта и избирать в амери-

канский конгресс только тех сенаторов, которые отстаивают мирную политику.³³

В США после войны приняли, однако, перевес враждебные миру и с ненавистью относящиеся к Советскому Союзу силы. Деятельность Конгресса американских славян в мае 1948 г. обозначалась как „подрывная“. Надо, поэтому, оценить смелость американцев славянского происхождения, которые не побоялись угроз и продолжали оборону демократических прав американского народа. Свою готовность к борьбе за дружбу США с славянскими странами представители Национального комитета Конгресса американских славян (Кржицки, Болович и Пирински) объявили в публичном заявлении (июнь 1948 г.). На своем IV-ом съезде в Чикаго (сентябрь 1948 года), который состоялся вопреки аресту генерального секретаря Пиринского, прогрессивные американцы славянского происхождения обещали в своем приветственном письме славянским народам и в дальнейшем бороться за мир против военной политики правителей США.³⁴

Свое обещание американцы славянского происхождения сдержали, хотя и в последующие годы их представители подверглись гонениям. Вопреки всем этим затрудненным условиям (помимо другого также травли реакционной славянской эмиграции, которая ушла (1947—1948) из Польши и Чехословакии в США), продолжало руководство Конгресса американских славян свою борьбу против поджигателей новой войны и за сохранение мира — значит, следовательно, ту задачу, о которой говорилось в пражском Славянском комитете в 1949 г. по случаю пребывания в Праге члена болгарского Славянского комитета — тов. Стеллы Благоевы — и члена канадского Славянского комитета — И. Бойчука. Участие американских славян в кампании по сбору подписей под резолюции Всемирного совета мира в период 1949—1950 гг. и позже было дальнейшим свидетельством того, что движение Конгресса американских славян осталось верным своей прогрессивной традиции Второй мировой войны.

В кампании Мирowego совета мира приняли участие также канадские славяне, которые в своем большинстве отказались от травли реакционных и фашистских элементов послевоенной эмиграции из Советского Союза (украинцы) и из Польши. Канадские славяне должны были преодолевать сопротивление властей сразу же после 1945 г. Первым громадным выступлением канадских славян был „месячник славянской солидарности“ (январь 1948 г.), который прошел под лозунгом „За прочный мир в мире, за сотрудничество с Советским Союзом против поджигателей войны“. Это выступление повторялось также в январе 1949 г. В 1950 г. канадские славяне, объединенные в Славянском комитете (основан в 1948 г.) созвали конгресс (Торонто), который издал мирное обращение ко всем жителям Канады.³⁵

Антифашистской направленностью отличалось и к народно-демократическим государствам свои симпатии проявило также движение славян в Южной Америке. Также в Аргентине и Бразилии во второй половине 1945 года возобновили Славянские комитеты свою деятельность. Новый Славянский комитет Аргентины созвал в ноябре 1946 г. второй славянский съезд (первый состоялся в 1942 г.), который прошел как демонстрация прогрессивных славянских эмигрантов за сохранение мира в мире. Аргентинские славяне выдвинули на своем съезде следующие 3 пункта: 1. помощь родным народом в их стремлении восстановить родину; 2. борьба за прочный и справедливый мир; 3. объединение 800 000(?) славян с целью сотрудничества в развитии их новой родины. Всесторонняя деятельность аргентинского Славянского комитета (он издавал 10 журналов и бюллетеней, провел радиопередачу „о славянских странах“) была как бельмо на глазу у реакционных сил. По приказу Вашингтона стало перонистическое правительство преследовать представителей славянского движения. Третий конгресс аргентинских славян, созданный в марте 1949 г., был разогнан. Задуманные судебные процессы, однако, не осуществились из-за сопротивления демократического аргентинского общества. Все-таки некоторые функционеры Славянского комитета были арестованы почти в течение 6 месяцев. Также в Бразилии (уже в 1946 г.) был Славянский союз объявлен вне закона. В Парагвае, Чили, Венесуэле и на Кубе пользовались в борьбе против Славянских комитетов многочисленными реакционными кликами в славянских обществах. Только в Уругвае удалось созвать и регулярно организовывать славянские конгрессы и осуществлять кампании по сбору подписей для мирной резолюции (период 1949—1956 гг.). И только в Уругвае прогрессивные славянские эмигранты сохранили и увеличили число членов своей организации и продолжали свою активную деятельность в борьбе за мир.³⁶

* * *

В работе Славянских комитетов после освобождения принимали участие также члены довоенных славянофильских обществ и члены буржуазных политических стран. В Чехословакии после 1945 г. даже некоммунистическая печать признавала, что и „группировка славян вокруг Советского Союза — это сегодня нечто само собой разумеющееся“,³⁷ и члены национального фронта считали союз с Советским Союзом „необходимым“. Й. Л. Фишер писал в газете „Svobodné noviny“: „Для нас нет другого пути кроме того, который идет бок о бок с СССР и славянскими народами.“³⁸

Требование низу „славянской политики“ было сначала проявлением спонтанной радости над освобождением и разгромом нацизма. Нельзя, поэтому, удивляться, что многие авторы многочисленных статей и брошюр

а также докладчики на официальных выступлениях и в дальнейшем высказывались о „побежденной Германии в духе военной и боевой славянской идеи“. Пропаганда славянской солидарности после окончания войны не была, однако, выражением чувств. И в дальнейшем здесь существовали объективные обстоятельства, которые принуждали славянские народы продолжать свое сотрудничество и добиваться по возможности теснейшего сотрудничества. Только после войны — когда стали общеизвестными (нюрнбергский процесс!) подобные планы нацистов, направленные против народов восточной Европы и прежде всего против славянских народов — можно было полностью узнать, какая опасность угрожала славянским народам. С начала 1946 г. постепенно становился очевидным тот факт, что западные державы не намерены выполнять постдамские соглашения и что они не хсят без остатков ликвидировать немецкий милитаризм. Однако, также Бенеш, Йожка Давид, Макса и др. обращали внимание на возможное восстановление немецкой опасности, против которой славянские народы должны бороться сообща. „Если бы появился любой конфликт, немцы будут всем остальным все время предлагать свои услуги для борьбы против Чехословакии . . . Немцы опять будут выдвигать свой ‚Drang nach Osten‘,“ сказал Бенеш в апреле 1946 г. членам делегации Славянского комитета в пражском кремле.³⁹

Коммунистов и некоммунистов объединяла в Национальном фронте идея славянской солидарности прежде всего по отношению к возможной опасности немецкого империализма. Лев Сыхрава поэтому на одной манифестации в марте 1947 г. жалел, что „западные друзья не понимают славянской проблематики таким образом, как бы мы желали . . .“⁴⁰ Прокоп Макса уже раньше ставил себе целью „разоблачать во всю мочь немецкую и мадьярскую ложь (которая кое-где еще считается правдивой) о том, что союз славянских народов во главе с Советским Союзом представляет восстановленный панславизм и что он выдвигает империалистические цели“.⁴¹

Также слависты-специалисты (некоторые из них увлеченные славянофилы) своими рассуждениями о традиции славянской взаимности и, главным образом, о чехословацко-русских отношениях в прошлом помогли построить настоящее. Хотя и в их выступлениях о славянской взаимности обращалось внимание на тот факт, что нельзя „опирать славянскую идею только на партийно-идеологическую точку зрения“ (иногда обращалось внимание также на то, что мы не хотим „уничтожать свои связи с Западом“), но подчеркивался „союз с мощным Советским Союзом, с которым мы стоим и падаем“. Можно читать и такие предложения: „Как раз сегодня необходимо по возможности больше позаботиться о том, чтобы мы чувствовали себя как члены одного духовного целого, одного политического

и духовного коллектива. Только полное и гармоническое сотрудничество народов СССР и ЧСР может осмыслить наши жертвы...⁴²

Признание ведущей роли Советского Союза славянскими народами и отрицание клеветы западной печати о „неопанславизме“ нельзя было, однако, у всех некоммунистов считать искренним. Так как в Чехословакии нельзя было выступить против Советского Союза и Коммунистической партии, пользовались буржуазные публицисты в своих статьях о „славянской политике“ и об отношении к Советскому Союзу маскированными клеветущими замечаниями. Некоторые из них признавали руководящую роль Советского Союза необходимой (например, Славик), но одновременно клеветали на коммунистов, что они „когда-то бесконечно презирали славянскую идею“. Буржуазно-демократические публицисты предостерегали от заимствования „русских, от царизма унаследованных, отношений“ (т. е. от коренных принципов большевизма!),⁴³ протестовали против „официальными властями вынуждаемой иконолатрии“ (т. е. против частого применения портретов советских государственных деятелей и т. п.) в процессе пропаганды Советского Союза, отрицали „отождествление славянской политики с идеей близости правящих (коммунистических!) политических режимов“ и т. д. Журналы народной или же клерикальной партии („Obzory“) и национально-социалистической партии („Svobodný zítřek“) стали публиковать нескрываемую клевету на Советский Союз. „Неполитичный“ журнал „Dnešek“ (редактор — Ф. Пероутка) присоединился утверждением, что Запад для большинства нашего народа ближе своим „пониманием демократии“ и что поэтому мы должны, в духе своих традиций, присоединиться „к активной, конструктивной европейской идее“.⁴⁴

Еще в 1947 г. некоторые общественные деятели-некоммунисты жалели, что Запад не понимает „славянской проблематики“, но Бенеш в своей книге „Úvahy o slovanství“ помогал распространять опасения от „злоупотребления“ послевоенной славянской идеей Советским Союзом и коммунистическими партиями. Хотя и Бенеш подтвердил тот факт, что „популярность Советского Союза, главным образом, у жителей Чехословакии, южных славян и болгар... после войны (книга была написана во время войны — Й. К.) станет новым важным фактором для создания новой формы славянской идеи“, но одновременно он спрашивал о том, если „левое советское славянофильство (slovanství) не является также, как более ранняя реакционная славянская идея, в сущности аналогичным фактором экспансии...“

Брошюра Бенеша „Nová slovanská politika“, изданная во время войны, принесла, несомненно, в свое время несколько интересных мыслей и подходящих предложений на решение взаимных отношений между отдельными славянскими народами. Напрасно, однако, Бенеш писал о том, что послевоенная славянская идея не должна подражать русскому славянофильству

и опираться на „антропологическую основу“ или же „элементы религии“. Бенеш приводил свои замечания с тем, чтобы он мог одновременно доказывать, что „славянская идея будущего... должна освободиться от элемента мессианизма, мессианизма любой формы, т. е. мессианизма коммунистического. ... Новый мессианизм коммунистической славянской идеи должен был бы стать, в конце концов, препятствием для будущей формы славянской идеи и реалистической славянской политики.“⁴⁵

„Реалистическая славянская политика“ должна была быть, по мнению Бенеша, прежде всего, „неполитичной“; в области политики она должна была опираться на „демократию“ без абсолютистов (к которым Бенеш относил также коммунистов!), чтобы „схематическая славянская политика“ не мешала „развитию панъевропы“. Для Бенеша в особенности очень важным было распространение опасений „протектората“ Советского Союза у славянских народов. Яркая инсинуация вытекает из следующих его слов: В случае победы коммунистов в Чехословакии или же в любом другом месте „присоединились бы, вероятно (несмотря на международные последствия) славянские государства к великой федерации советской. Всестороннее управление советской России приняли бы безусловно...“⁴⁶

Коммунистические партии ни к чему подобному не стремились, как это, между прочим, показало развитие после 1948 г. Коммунисты, хотя и не скрывали того, что осуществление их программы в период 1944, 1945, 1946 годов представляет первый этап народной и демократической революции и что их цель — построение социализма, но в период, о котором мы говорим, они стремились „создать новые предпосылки славянской взаимности и дружбы, опирающихся на глубоко демократические основы — на основы независимости и суверенитета всех славянских стран, на основы дружбы и уважения ко всем демократическим и свободолюбивым народам.“⁴⁷ В этом смысле коммунисты с полным правом отстаивали свой вклад и, собственно говоря, ведущую роль в „новой форме славянской идеи“; с полным правом они поддерживали сотрудничество и союз славянских народов против клеветы западной прессы на „панславизм“ в центральной и юго-восточной Европе.

Нападения американской и западноевропейской реакции против „славянского блока“ или же „пславизма“,⁴⁸ (говорилось даже о славянском „Drang nach Westen“!) должны были нарушать процесс установления народно-демократических режимов в Чехословакии, Югославии, Польше и Болгарии — а также в Румынии и Венгрии или же Албании. В результате того, пропаганда славянской солидарности принимала после войны постепенно новое содержание. Новая международная обстановка 1947 г. (опасность возобновления немецкого империализма с поддержкой США) вынуждала установление и укрепление дружбы и союза всех народов центральной

и юго-восточной Европы. В Чехословакии сейчас же в 1945 г. можно встретиться с хорошим отношением к Румынии. Чехословацкий народ не забыл о румынских солдатах, которые принимали участие в освобождении его страны бок о бок с Советской Армией. Чехословацкая печать следила за развитием политической жизни Румынии и с удовольствием комментировала декларацию румынского правительства о дружбе с соседними демократиями. Чехословацкая внешняя политика выступила в пользу Румынии при переговорах на парижской мирной конференции (август 1946 г.). Интерес чехословацкой печати к Румынии повысился в 1947 г., когда коммунистический журнал „Tvorba“ требовал: „Надо лучше познакомиться с румынами, чем до сих пор.“⁴⁹ Также в Югославии стали тогда с дружеским отношением писать о Румынии (договор о дружбе подписан в декабре 1947 г.).

Более сложно развивались отношения Чехословакии и Югославии (а также Румынии) с Венгрией, которая вынуждена была отказаться после освобождения от территориальной добычи 1938—1941 гг. Процедура волокита, сопровождающая переговоры Чехословакии и Венгрии при обмене населением (первоначально Чехословакия думала также о выселении венгерского населения южной Словакии) вызывала в Чехословакии на протяжении 1946—1947 гг. выступления против „шовинистской“ Венгрии. Только с конца 1947 г. и, главным образом, после февраля 1948 г. отношения улучшились — в сопоставлении с новыми политическими условиями. Союзный договор с Венгрией был заключен в апреле 1949 г. Но уже с января 1949 г. работал Совет взаимной экономической помощи, соединяющий славянские и неславянские народно-демократические государства центральной и юго-восточной Европы. Добавим еще, что коммунистические партии Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии понимали идею славянской солидарности уже в период 1946—1947 гг. с классовой точки зрения и что они показывали на ее социальное и классовое содержание — на связь с борьбой за укрепление внутренних режимов против попыток реакционных сил вызвать поворот в развитии.⁵⁰ Теоретический коммунистический журнал „Tvorba“ объяснял в конце 1947 г., что „наше славянофильство („slovanství“) имеет славянскую форму и социалистическое содержание“ и что пропаганда славянской солидарности „совместима с путем народных слоев всех народов“.⁵¹ На собраниях Общего славянского комитета подвергались критике не только антисоветская клевета, например, чехословацкой печати, но также антивенгерский шовинизм. „Славянская новая политика основывается на дружбе всех демократических народов, на укреплении сил антиимпериалистического лагеря“ — сказал представитель советского Славянского комитета в Праге (февраль 1948 г.).⁵²

- ¹ J. Hudec, Slovo o přátelství, Dnešek 11. 7. 1946/16.
- ² F. O. Navrátil, Polsko včera a dnes, Tvorba 1, 1945/2.
- ³ Dnešek 27. 3. 1946/1.
- ⁴ Газета Lidová demokracie 29. 12. 1946 (передовая статья Вл. Сиса — доклад о славянском съезде в Белграде). — Сотрудничество и союз славянских народов пропагандировались в целом ряду малых и больших публикаций, касающихся „славянской политики“ и „славянского мира“. В Словакии „Современное состояние славянской взаимности“ (издано в г. Мартин 1945 г.) объяснял А. Мраз, в чешских странах предлагал „путь к общеславянскому объединению“ некто Р. Вольф, Йос. Гибашек назвал свою брошюру „О славянском сотрудничестве“ и В. Мелихар предлагал читателям какую-то совокупность знаний о славянстве в двухтомной публикации (отличавшейся дилетантизмом) „Мир славянский — наш“.
- ⁵ J. Kozák, Význam vnitrostranické diskuse před VIII. sjezdem KSČ, Příspěvky k dějinám KSČ 1960/2, 34. Козак считает эти и другие предложения (на получение Кладской и Ратиборжской областей) проявлением мелкобуржуазного национализма. — Я согласен, что касается территориальных претензий. Однако, лозунг „славянской политики“ был требованием времени, на который партия реагировала многочисленными брошюрами (J. Šverma, Slovanská myšlenka v české politice, Praha, 1945; Nová slovanská politika, издало отделение культуры и пропаганды Областного комитета КПЧ в г. Пильзен 1945; Slovanská politika v minulosti a dnes, издал Центральный комитет КПЧ — и др.).
- ⁶ Славянско братство, София 1945 (Slovanský přehled 1946, 118).
- ⁷ Тако се ковало братство. Бугарска и нега Омладина, Београд 1945; За братство Югославие и Бугарске, Београд 1945; П. Орманджиев, Федерация на балканските народи, София 1947.
- ⁸ T. S. Grabowski, Slovanské otázky v dřívějším a dnešním Polsku, Slovanský přehled 1946, 337—383.
- ⁹ A. Burda, Wielka godzina Słowian, Kraków 1945. — Бурда предлагал объединение уже в смысле социалистическом!
- ¹⁰ V. Hellmuth — Brauner, Meditace nad SSSR, Dnešek 18. 4. 1964/4.
- ¹¹ Gottwald, Spisy XII, 87; XIII, 314—315.
- ¹² Из выступления представителя КПЧ в парламенте (17 июля 1946 г.) относительно ратификации чехословацко-югославского союзного договора. См. дальнейшие выступления в брошюре Освальда и Зайичка.
- ¹³ Gottwald, Spisy XIV, 46, 83—85.
- ¹⁴ Некоторые члены польского правительства (в том числе и некоторые коммунисты) настаивали на требовании, чтобы Тешинская область и в дальнейшем принадлежала к Польше. В г. Катовицы вновь появились листовки, направленные против Чехословакии. Также в Чехословакии поджигала реакция противоположные лозунги, национально-социалистическая печать развертывала кампанию за приобретение Ратиборжска, Глубчицка и Кладска. Прага и Варшава несколько раз обменялись нотами. Осложнения возникли также в Оравской и Спишской областях, хотя и чехословацкое правительство отдало захваченные при режиме Тисо территории (сентябрь 1939 г.) в руки польских властей уже в апреле 1945 г. Переговоры правительственных делегаций о Тешинской области, которые состоялись в Москве (июнь 1945 г.) и в Праге (1946) не дали больших успехов. — Более подробно об этом см. в работе К. Kořalková, K čs.-polským vztahům 1945—1958, Slovanské historické studie 1963 (V), str. 315—330.

- ¹⁵ Gottwald, Spisy XIV, 340.
- ¹⁶ История Польши, т. 3, стр. 548. — См. также брошюры W. Kornatowski, Podstawy polskiej polityki słowiańskiej, Warszawa 1946.
- ¹⁷ Георги Димитров, Съчинения, т. 11, стр. 318 и т. 12, стр. 345.
- ¹⁸ Jiří Dimitrov, Výbor z projevů a článků, Praha 1950, 255—262.
- ¹⁹ М. Галушка в статье Slované dali příklad (Tvorba 1946, № 51—52, стр. 826) пишет: Мировая реакция уже более долгое время бьет тревогу и говорит о „славянской опасности“, о „славянском блоке“, о „славянском Дранг нах Вестен...“
- ²⁰ A. Gregor, Slovanský zahraniční obchod, Slovanský přehled 1948, 394; K. Georgiev (Sofia), Slovanská vzájemnost a hospodářské vztahy mezi slovanskými národy, Slovanský přehled 1946, 369; M. Reiman, Slovanská politika v hospodářství Československa (Náš dvouletý plán a zahraniční obchod, Praha 1947).
- ²¹ Cz. Bobrowski, Socjalistyczna Jugoslawja, Warszawa 1957, 49.
- ²² Góra — Gołębiowski — Halaba — Kołomejczyk, Zarys historii polskiego ruchu robotniczego 1944—1947, Warszawa 1961.
- ²³ Н. Горнески, Въоръжената борба на българския народ за освобождението от хитлериската окупация и монархо-фашистская диктатура 1941—1944, София 1958.
- ²⁴ Oswald — Zajíček, Národní shromáždění a politika slovanské spolupráce (Soubory o spojení slovanských národů), Praha 1947. — К. Kořalková, Československo-polské vztahy 1945—1960, Praha 1961.
- ²⁵ Dimitrov, Výbor z projevů, 255—262. — Мы не знаем воззрений югославской партии. Западная публицистика объясняет крах федерации „вмешательством из Москвы“. Djilas (Gespräche mit Stalin) говорит, что Сталин и вообще тогдашнее управление КПСС при встрече (февраль 1948 г.) с болгарскими и югославскими представителями отказывались прежде всего от болгарских предложений на таможенную унию с Румынией. Ч. Бобровски в книге Socjalistyczna Jugoslawja (первоначально написанной в Югославии и предназначенной для западных читателей) говорит: югославская партия представляла себе федерацию таким образом, что болгары были бы седьмой национальностью в федерации; в противоположность этому болгары думали о федерации двух государств.
- ²⁶ В Софии издавали журнал Славяни, в Югославии Slavenski svijet (Zagreb) и Славенско братство (Београд), в Кракове Zycie Słowiańskie, в Праге Slovanský přehled.
- ²⁷ Slovanský přehled 1946/1, 7—8.
- ²⁸ Slovanský přehled 1947, 532. — В Чехословакии предлагали основание „славянских школ“ II и III ступени — Vaňura, Naše doba 1946, 158.
- ²⁹ Сокращенный протокол београдского Славянского съезда был издан в Праге (1947) под названием „Slovanský sjezd v Bělehradě“ (под редакцией Буриана, Фринты, Гавранка).
- ³⁰ П. Макса, который был заведующим чехословацкой делегацией на варшавском заседании Общего славянского комитета, стремился извинять противозоветские выступления реакционной части чехословацкой печати.
- ³¹ К. Готвальд в качестве председателя правительства возрожденного Национального фронта заявил: „Чехословакия есть и останется верным и надежным членом славянской семьи...“ Лозунги славянской солидарности вновь припомнились по случаю подписания чехословацко-болгарского союзного договора и при его ратификации в парламентах обеих стран. В особенности болгарские представители во главе с Георги Димитровым припоминали славянскую дружбу чешского и словацкого народов с болгарями. — В выступлениях государственных деятелей обеих стран предупреждали, конечно, о сотрудничестве даже с неславянскими странами центральной и юго-восточной Европы (Československo-bulharské přátelství, Praha 1948).

- ³² В этой конференции журналистов славянских стран, состоявшейся в Загребе, приняли участие также журналисты Албании, Венгрии и Румынии. Журналисты затем издали обращение, в котором „новое славянское движение“ считалось ими составной частью „боевого строя мощного демократического фронта народов, защищающих мир, демократию и социализм“. Третье общее собрание Общего славянского комитета правильно оценило значение этой конференции журналистов, которая „нанесла удар реакционной печати, стремившейся доказать всему миру существование какого-то „возрожденного панславизма“ и „славянской опасности“... (Slovanský přehled 1948, 208).
- ³³ Slovanský přehled 1946, 236 („Slovanský kongres v Americe“).
- ³⁴ Slovanský přehled 1948, 574—577.
- ³⁵ Slovanský přehled 1949, 48; Slovanský přehled 1950, 429; Slovanský přehled 1951, 347.
- ³⁶ P. K o l o s o v, Slované v Latinské Americe (Slovanský přehled 1950, 440); Gerič, Slované Uruquaye v boji za mír (Slovanský přehled 1951, 370); „13. slovanský kongres v Uruquayi“, Slovanský přehled 1956, 119.
- ³⁷ J. S l a v í k, Pojem Ruska, Dnešek 16. 5. 1946/8.
- ³⁸ Svobodné noviny 18. 10. 1946.
- ³⁹ Slovanský přehled 1946, 192.
- ⁴⁰ Slovanský přehled 1947.
- ⁴¹ Slovanský přehled 1946, 376.
- ⁴² J. M a c ů r e k, Slovanská idea a dnešní skutečnost, 27; Macůrek, ČSR a SSSR, 51.
- ⁴³ Dnešek 16. 5, 18. 4. 1946.
- ⁴⁴ Dnešek 17. 7., 21. 8. 1947.
- ⁴⁵ E. B e n e š, Úvahy o slovanství, 268, 270, 282.
- ⁴⁶ E. B e n e š, Úvahy, 298—299.
- ⁴⁷ F. P e x a, Komunisté a Slovanstvo, Tvorba 1946, 355.
- ⁴⁸ Черчилль квалифицировал (в выступлении в г. Фультон) укрепляющуюся дружбу между славянскими народами и Советским Союзом как „экспансивные тенденции“ Советского Союза, не имеющие границ.
- ⁴⁹ Tvorba 1947/37, 723.
- ⁵⁰ G o t t w a l d, Spisy, XIII., XIV.
- ⁵¹ Tvorba 1947/51, 1002.
- ⁵² Slovanský přehled 1948, 210—214.